

Смерть предпочитает полночь

Автор:

Николай Леонов

Смерть предпочитает полночь

Николай Иванович Леонов

Алексей Викторович Макеев

Полковник Гуров
Черная кошка

Полковникам Гурову и Крячко поручают дело об убийстве молодой женщины, тело которой было найдено в парке недалеко от фитнес-клуба «Идеал». Сыщики начинают расследование и очень скоро выясняют, что в этом же парке полгода назад было совершено еще два нападения на женщин, причем обе жертвы были клиентками «Идеала». Очевидно, что в районе орудует серийный маньяк. Под подозрение в первую очередь попадают работники и посетители фитнес-клуба, но главными подозреваемыми становятся хозяйка спортивного центра Эмма Гришаева и ее любовник Борис Полищук, которые явно что-то скрывают и вообще ведут себя очень странно...

Алексей Макеев, Николай Леонов

Смерть предпочитает полночь

Глава 1

Ясным майским днем высоко в небе мчался трехместный вертолетик МЧС, колыхавшийся в зыбких, беспокойных струях пятого океана. Сверкали на солнце

лопасти несущего винта, слившиеся в сплошной прозрачный круг, стрекотал мотор. С земли машина казалась стрекозой, жизнерадостно порхающей над летним лугом. Творение забугорных авиастроителей уверенно маневрировало в небе, выписывая незримую линию меандра. В нем летели двое сотрудников службы, отвечающей за противопожарное состояние лесных массивов Средневолжской области.

В некоторых местах с огромной высоты выявлялись признаки возгорания, которые мгновенно фиксировались специальным устройством, реагирующим на изменение фона инфракрасного излучения. Наблюдатели задерживались здесь несколько дольше, спускались пониже и устанавливали, на что конкретно отреагировал прибор. За время полета ими было обнаружено несколько палов, возникших вдоль автодорог. Скорее всего, причиной этих безобразий стали непогашенные окурки, выброшенные на ходу безголовыми крутыми автомобилистами, привыкшими свысока смотреть на окружающий мир.

Наблюдатели выявили не менее трех следов пребывания столь же безголовых любителей природы из числа тех, что имеют обыкновение загаживать мусором места отдыха и не гасить костры. На двух полянах, где не так давно жарились шашлыки, пламя еще только начинало разгуливаться. Поэтому сотрудники МЧС спешно приземлялись, немедленно засучивали рукава и самостоятельно тушили едва народившиеся пожары. Но на берегу небольшой речки пламя, разошедшееся от кострища, уже начало хозяйничать не на шутку. Наблюдатели вызвали сюда специальную мобильную группу, дождались ее прибытия и отправились дальше.

Они отметили в бортовом журнале уже обследованные ими квадраты лесных пространств и направились в последний из тех, что входили в зону их ответственности. Это был обширный лесной массив протяженностью не менее пятнадцати километров и шириной около десяти. С юга и севера его огибали русла двух не очень широких, но глубоких и весьма протяженных речек. На этой территории лет сорок назад был образован заповедник, названный Верхнебыльским, поэтому тамшние чащобы изобиловали зверем и птицей.

Туристов в Верхнебыльском заповеднике практически никогда не бывало не только по причине того, что въезд туда был строго ограничен. Сама территория Верхнебыльских лесов, названных так по одной из рек – Быле, представляла собой множество непроходимых болотисто-озерных языков, тянувшихся в разных направлениях порой на десяток километров. А еще леса пересекали несколько

притоков Былы и Канюка – второй водной границы Верхнебылья.

Впрочем, несмотря на то что эти заповедные места были в самой полной мере дикими и непроходимыми, кое-какие элементы цивилизации здесь все же имелись. По его территории в глубину дубрей тянулась асфальтированная дорога, построенная военными еще в шестидесятые годы. Некогда по ней курсировали дежурные расчеты ракетчиков, отправлявшихся на вахту к месту расположения командных пунктов МБР, спрятанных в шахтных пусковых установках. Правда, последний раз «уазик»-«буханка» с дежурной сменой по этой дороге пробежал около двадцати лет назад. Когда распался Союз и по договору о СНВ ракеты уничтожили, дорога оказалась заброшенной и абсолютно никем не востребованной. Ведь в недрах лесных чащоб она заканчивалась тупиком – кому и зачем туда ездить?

Время от времени по ней курсировали лишь егеря, следившие за порядком в заповеднике, да чиновные браконьеры из областных и московских верхов, приезжавшие поохотиться на непуганого зверя. Но сотрудники МЧС, прилетая осмотреть лесные массивы на предмет выявления несанкционированных возгораний, всегда в обязательном порядке осматривали и участки, прилегающие к заповедному шоссе, – мало ли что!

Наблюдатели увидели далеко внизу синюю ленточку Былы, извивающуюся среди сплошного зеленого ворса хвойных лесов, и отправились по своему привычному, не единожды отработанному маршруту. Выписав зигзаги и синусоиды вдоль берегов Былы, добравшись почти до самых ее истоков, на обратном пути они полетели вдоль Канюка, кое-где едва различимого из-за вершин деревьев, сомкнувшихся над военным шоссе. Здесь, в отличие от некоторых других квадратов, обстановка была абсолютно спокойная. Нигде не замечалось даже намека на сизоватые клубы дыма. Безмолвствовал и детектор возгораний.

Позевывая от скуки и уже особо не напрягаясь, пилот и старший группы наблюдения чисто формально посматривали на лесные просторы, расстилавшиеся под ними. Но неожиданно они заметили нечто весьма необычное. На одной из травянистых полян с темным пятном недавнего кострища суетливо бегали взад-вперед крохотные фигурки. Эти люди что-то то ли разыскивали, то ли, наоборот, прятали под деревьями. Наблюдатели заподозрили, что это могли быть браконьеры, которые добыли лося или оленя, а теперь спешили поскорее разделать и спрятать тушу. Поэтому сотрудники МЧС решили спуститься пониже и основательно рассмотреть происходящее.

– Петрович, давай на снижение! – распорядился старший группы. – Только метров до двухсот, не ниже, а то вдруг надумают пальнуть по нам!

Пилот, крепыш средних лет с аккуратно постриженными усами, коротко кивнул и двинул рычаг управления вперед и влево. Винтокрылая машина тут же накренилась, описала крутую спираль и направилась к земле, словно хищный ястреб, завидевший в траве неосторожную куропатку. Но, судя по дальнейшему ходу развития событий, «куропатки», суетившиеся на поляне, «ястреба» заметили в момент. Они забегали еще проворнее, спешно завершая какие-то свои непонятные дела. Двое из числа этих загадочных тусовщиков некоторое время наблюдали за вертолетом, а потом внезапно выхватили из-под широкого шатра кроны старой пихты что-то продолговатое, отблескивающее металлом.

Старший группы наблюдателей, обладавший отменным зрением и неординарной смекалкой, мгновенно понял суть происходящего и торопливо скомандовал:

– Петрович, уходим!

Пилот тут же дал резкий форсаж, вертолет словно подпрыгнул и ринулся обратно к облакам. Ни старший наблюдатель, ни Петрович звуков выстрелов не слышали, но даже с более чем двухсотметровой высоты они увидели вспышки, вырывающиеся из стволов ружей, нацеленных в них, и чуть заметные выбросы продуктов сгорания бездымного пороха. Старший наблюдатель, донельзя возмущенный наглостью и вызывающей дерзостью неизвестных типов, срочно связался с областным штабом МЧС и сообщил о случившемся. Менее чем через пару минут информация об обстреле вертолета ушла в областное УВД, лесное ведомство и общество охотников.

Еще через час в Верхнебыльский заповедник примчались сразу две опергруппы, по команде из области направленные туда начальниками ближайших райотделов. Опера и спецназовцы, вооруженные автоматами, достаточно быстро разыскали в глуши леса ту странную поляну, однако там, как и следовало ожидать, не обнаружилось ни души. Эксперты осмотрели территорию и смогли установить лишь то, что здесь, судя по следам, могло находиться около десятка человек обоего пола. Были найдены отпечатки шин двух единиц легкового транспорта. Впрочем, рисунок протекторов почему-то оказался очень нечетким. Как предположили эксперты, колеса машин были обтянуты специальными чехлами, которые его маскировали.

К досаде криминалистов, им долго не удавалось обнаружить никакой ниточки, позволяющей хотя бы в самых общих чертах установить, что за люди были на поляне и чем они там занимались. Не было замечено ни окурков, ни каких-либо пустых упаковок от продуктов, ни использованных «изделий номер два», ни отходов жизнедеятельности посетителей поляны... Ничего! Но они заметили большое кострище, кем-то заботливо убранное. Скорее всего, люди, стрелявшие по вертолету МЧС, собрали золу в мешки и увезли с собой. Здесь-то и удалось найти нечто такое, отчего у некоторых оперов по спине забегали холодные мурашки.

Разгребая носком ботинка остатки золы, один из спецназовцев заметил в ней обгорелый обломок какой-то кости. Обрадованные эксперты, словно утопающий за соломинку, схватились за эту находку, надеясь определить, какого же зверя жарили на этом костре – косяку или кабана. Однако почти сразу же стало ясно, что находка никакого отношения к животным не имеет. Старший судмедэксперт объявил, что это фрагмент плечевой кости человека, скорее всего мужчины средних лет. Тут среди внезапно наступившей гробовой тишины кто-то ошарашенно присвистнул.

В разгоревшейся жаркой дискуссии схлестнулись две точки зрения. Одни опера считали, что на поляне минувшей ночью пировала шайка сатанистов-каннибалов, которая по каким-то причинам не успела уничтожить следы своего кошмарного праздника. Другие же были уверены в том, что пусть это и было проявлением сатанизма, однако ограничивающегося человеческим жертвоприношением.

Егеря и лесники, подоспевшие на поляну, сообщили, что обшарили все возможные места, где могла бы скрываться та жутковатая компания, но нигде не выявили хоть каких-то следов ее пребывания. Исходя из этого, ими был сделан вывод о том, что люди, обнаруженные наблюдателями МЧС на поляне, здесь постоянно не обитают. Но егеря особо подчеркнули, что странные визитеры, скорее всего, ориентируются на территории заповедника в чем-то даже лучше, чем они сами. Неизвестные типы вполне могли улизнуть за его пределы по дорогам, ведомым лишь им одним.

Тем же днем в губернском аэропорту, на стояночной площадке, специалисты областного УВД вместе с техниками и представителями авианадзора осмотрели вертолет наблюдателей, только что вернувшийся из Верхнебылья. Всем сразу

стало ясно, что летательный аппарат имеет довольно серьезные повреждения корпуса и одной из лопастей несущего винта. В трех местах вертолет пробили пули калибра семь шестьдесят два. Можно было считать огромной удачей тот факт, что они не заделали ни одной жизненно важной детали, ни единого механизма, обеспечивающего стабильную работу летательного аппарата.

Эксперты-криминалисты, взявшиеся за дело, достаточно быстро выяснили, что стрельба велась из охотничьих карабинов тульского производства, изготовленных еще лет сорок назад. Внутри корпуса вертолета им удалось найти пулю, которая попала в стальной траверс, от ricochetнула и засела в пластмассовой детали пассажирского кресла. Как показала проверка по специальной картотеке, фоторазверстки этой пули в базе данных не имелось.

Следствие не нашло никаких реальных зацепок в полученных результатах оперативного разбирательства ЧП над Верхнебыльским заповедником. Возможно, эта история пополнила бы богатую коллекцию безнадежных «глухарей», каковых в любом УВД с избытком, если бы не вездесущие журналисты. Корреспондент областного интернет-издания «Планета-Средневолжск» каким-то невероятным образом пронюхал об обстреле вертолета МЧС, разыскал обоих участников этой истории и взял у них интервью.

Побурчав и посерчав, руководство областного УВД расщедрилось-таки на дежурный комментарий местной прессе. Оно поспешило доложить о случившемся московскому руководству, которое отнеслось к данной информации более чем серьезно и даже поделилось ею с коллегами из ФСБ. Да и в самом деле – ни фиги себе прикол! Шайка сатанистов-каннибалов запросто орудует на просторах одного из регионов Среднего Поволжья. Еще неизвестно, как давно она занимается дегустацией своих сограждан, волей случая попавших в ее руки. Местные органы внутренних дел узнают об этом чисто случайно, да еще и беспомощно разводят руками. Непорядок!..

Несколькими днями ранее сотрудники Главного управления уголовного розыска МВД России, два полковника – старший оперуполномоченный Лев Гуров и оперуполномоченный Станислав Крячко сидели на лучших местах в известном московском цирке и созерцали представление, которое в какой-то мере состоялось благодаря их профессионализму. Об этом в самом начале программы с арены громогласно объявил директор цирка.

Гурову были чужды дифирамбы и панегирики. Услышав благодарственный спич, он, застигнутый врасплох, вынужден был под бурные аплодисменты встать и раскланяться перед зрителями. Стас, куда более прагматичный и приземленный, отнесся к речи руководителя цирка весьма лояльно. Поднявшись с кресла вместе со Львом, он не только раскланялся, но и с жизнерадостной улыбкой помахал рукой, наподобие номинанта Каннского кинофестиваля, шествующего по знаменитой красной дорожке.

А цирк и в самом деле был искренне признателен сыщикам, которые совершили, казалось бы, невозможное. Неделю назад с цирковой конюшни бесследно исчезли сразу четыре статных золотогривых дончака с элитной родословной, стоящих бешеных денег. Кроме того, у входа в конюшню был обнаружен труп охранника, убитого ударом бандитской заточки прямо в сердце. Судя по тому, что бедолага даже не успел поднять тревогу или оказать своему убийце хоть какое-то сопротивление, тот имел большой опыт по части душегубства и сработал молниеносно.

Местные опера, прибывшие на место преступления, смогли лишь констатировать, что злоумышленник оказался профи абсолютно во всем. Он с дьявольской ловкостью разделался с охранником, неведомо как без шума и суеты сумел вывести из конюшни лошадей, неведомо как и на чем сумел увезти их неведомо куда и при всем этом вообще не оставил никаких следов. Было похоже на то, что это сделал не человек, а бесплотный дух, способный проникать сквозь стены. А лошадей он увел, наведя на них какой-то морок, наподобие гипноза. Они не издали ни звука, ни разу не взбрыкнули, хотя их погонял кто-то совершенно незнакомый.

Из-за пропажи лошадей вся цирковая программа шла кувырком. Заменить конное ревью было абсолютно нечем, поэтому руководство цирка поспешило обратиться в главк угрозыска. Начальник управления генерал-лейтенант Орлов, как это у него было принято с давних пор, подкинул эту непыльную работенку Гурову и Крячко. За долгие годы их работы в главке сложился стойкий и вполне обоснованный стереотип незаменимости приятелей во всех тех случаях, когда буксовали самые именитые сыскари.

Признанным мастерам сыска пришлось поступиться многим, в том числе и выходными. Они взялись за очередной «глухарь», который в конечном итоге оказался тем самым пресловутым ларчиком, открывавшимся очень просто.

Гуров пришел на цирковую конюшню вместе с операми райотдела, проводившими первичный осмотр места происшествия, оглядел стойла лошадей и поинтересовался у своего молодого коллеги, брал ли тот пробы корма для токсикологического анализа. Опер недоуменно взглянул на Льва и сообщил, что вообще-то брать ничего и не собирался. А зачем? Лошадей-то ведь не отравили, а увели. Какой смысл заниматься мартышкиным трудом?

Гуров выслушал ответ капитана и с недоуменным сожалением посмотрел на него.

«И ты считаешь себя сыщиком?» – недвусмысленно сказал его взгляд.

Тот понял, что сморозил дикую глупость, и поспешил исправить ситуацию. Опер пояснил, что, собственного говоря, из корыт-то и брать было нечего, поскольку на момент проверки они оказались стерильно чисты.

– То есть вы хотите сказать, что кормушки были отдраены до блеска? – прищурился Гуров.

– Да, знаете, и вычищены, и протерты, только что не отполированы, – поспешил заверить капитан.

– Лошадей, судя по времени убийства охранника, украли около часа ночи, – размышляя вслух, Лев еще раз провел пальцами по внутренней стенке металлической кормушки. – Лошади к этому времени едва ли могли съесть свой корм полностью. Ну, допустим, остатки конюх мог убрать в течение дня. Но если вы приехали сюда в начале седьмого утра, то с какой стати ему нужно было наводить этот лоск и блеск ни свет ни заря? Конюха позовите! – распорядился он.

– Кусакина сюда! Быстро! – оглянувшись, крикнул человек, руководивший цирковой конюшней.

Тот пришел через пару минут и тревожно посмотрел на сыщика, окинувшего его испытующим и строгим взглядом. Гуров мгновенно и безошибочно понял, что этот человек причастен к краже. Сыщик не спеша ответил на сдавленное «здрасьте» конюха и некоторое время с какой-то непонятной иронией смотрел на него в упор. Кусакин, словно приплюснутый его взглядом, суетливо задергался,

суча руками и недовольно щерясь. Молчание, длившееся около минуты, постепенно переросло в зловещую тишину. Конюх терялся все больше и больше.

Наконец он не выдержал этого напряжения и раздраженно, с визгливыми нотками страха в голосе, возопил с деланным возмущением:

– Ну и чего меня сюда вызвали? У меня что, делов, что ли, больше нету, кроме как играть с вами в эту молчанку?!

Лев Иванович невозмутимо выслушал эту тираду и с ироничным недоумением поинтересовался:

– Это все, что вы хотели нам сказать?

Кусакин затравленно огляделся по сторонам и со все возрастающим страхом в голосе выпалил:

– А чего мне еще говорить-то? Вы меня в чем-то подозреваете?

– Нет, не подозреваем, а твердо уверены в том, что вы напрямую причастны к похищению лошадей. Вероятнее всего, охранника Вельницкого вы не убивали – это сделал главный организатор кражи. Но вы обеспечили ему доступ в конюшню и беспрепятственный вывод лошадок за пределы территории цирка.

– Неправда! – Кусакин побледнел и замотал головой. – Я ни при чем. У меня это... как его... алиби. Вот! Алиби у меня. Мне про это вот и товарищ капитан сказал. – Он поспешно ткнул пальцем в опера райотдела.

Капитан несколько смущенно откашлялся и заявил:

– Действительно, товарищ полковник, у гражданина Кусакина железное алиби – я проверял лично.

– Вот! – Конюх с ликованием ткнул пальцем в потолок. – Так что я тут ни при чем.

– При чем... – Гуров утвердительно покачал головой. – Еще как при чем!.. Вот вы вчерашним утром до зеркального блеска отдраили кормушки. Так? А в другие

дни вы точно так же их начищаете и отмываете?

Кусакин раскрыл рот, скорее всего желая категорично заявить о том, что он постоянно строжайшим образом соблюдает правила зоогигиены, однако его опередил старший по конюшне:

– Да где там! – Он сердито махнул рукой. – Раз сто напомнишь, чтобы он хотя бы объедки убрал, только тогда и сделает. А тут и в самом деле – даже не знаю, что на него нашло.

Гуров негромко рассмеялся и пояснил:

– Что нашло? Следы своего соучастия уничтожал. Чтобы лошади вели себя смирно и не вздумали взбрыкивать, скорее всего, он им в корм подмешал чего-нибудь наподобие аминазина, а утром примчался наводить марафет. Или я не прав? Кстати, вчера Вельницкий должен был дежурить? – спросил он старшего по конюшне.

– Нет, он подменял внезапно заболевшего Хорсанина, – пояснил тот. – Ну и дела! Это что же получается-то? Выходит, умереть должен был не Ленька Вельницкий, а Жорка Хорсанин? Ничего себе! Получается, что Жоркина болезнь спасла ему жизнь, да?

Гуров с сомнением качнул головой.

– Маловероятно. Мне думается, все обстоит гораздо проще. – Лев Иванович говорил, не сводя глаз с лица Кусакина. – Хорсанин, видимо, сначала согласился войти в долю, а потом струхнул, решил выйти из игры и объявил себя больным. Ну а тот, кто пришел за лошадьми, увидел незнакомого охранника и пустил в ход заточку.

При последних словах Гурова Кусакин болезненно скривился и дернулся, как если бы у него на какой-то миг появилось жгучее желание дать деру. Но он вовремя взял себя в руки, удержался от этого соблазна и продолжал изображать из себя оскорбленную добродетель.

В этот момент в коридоре послышались чьи-то шаги. Гуров оглянулся и увидел Станислава Крячко, шествующего к ним с многозначительной улыбкой на лице.

- Что-то нашел? - поинтересовался он.

- Нашел! - Стас уверенно кивнул. - Одна женщина ночью видела из окна своей квартиры, как в автофургон, припаркованный неподалеку от цирка, какие-то мужики - их лиц она, понятное дело, разглядеть не смогла - тащили за собой на веревочке какие-то картонные коробки. Огромные, выше человеческого роста. Говорит, штуки четыре. Ей подумалось, что они пустые и на колесиках.

- Гениально! - Лев развел руками. - Лошадей, оглушенных аминазином, накрыли специально изготовленными картонными чехлами и повели на погрузку. А чтобы они не цокали копытами, надели им на ноги толстые, мягкие чулки. Вот вам и пустые коробки на колесиках! Ну что, граждане, идемте к директору цирка? Картина преступления ясна, осталось лишь выяснить роль каждого его участника. Капитан, на гражданина Кусакина наденьте наручники и заберите у него телефон, чтобы он не смог позвонить сообщникам, например тому же Хорсанину. Думаю, охранник сейчас нам все расскажет без утайки.

Судя по всему, щелчки браслетов, охвативших запястья конюха холодным металлом, стали последней точкой в его надеждах отмазаться от ответственности.

Он вдруг сломался, ринулся к Гурову и торопливо заговорил:

- Гражданин начальник! Прошу засчитать мне явку с повинной. Я все расскажу! Я и в самом деле не убивал Леньку. Могу вам назвать того, кто это сделал. Это... - он немного поколебался и с трудом выдавил из себя: - Это Андрей Морозьяка, кличка Нордец.

- Нордец? - удивленно переспросил Крячко. - Он что, уже вышел? Ему же сидеть еще лет пять, это минимум.

- Выпустили по УДО, - безрадостно пояснил Кусакин.

По его словам, лет пятнадцать назад он сам, Морозьяка и Хорсанин служили в одном из районных отделов московской милиции. Но их оттуда выгнали за избиение задержанного, из которого излишне рьяные стражи правопорядка выбивали признание в совершении кражи. Будучи донельзя пьяными, они отбили бедолаге, как выяснилось позже, абсолютно ни в чем не повинному, все внутренности. Тот умер в больнице, не приходя в сознание.

В ходе судебного разбирательства Морозьяка, старший по званию и более других отличившийся по части рукоприкладства, получил пять лет тюрьмы – не самый серьезный срок за убийство. Его здорово выручило то, что была применена статья о причинении тяжкого вреда здоровью. Хорсанин и Кусакин отделались годом общего режима.

Выйдя на свободу, Кусакин долго не мог найти работу. Лишь по протекции сожительницы, служившей билетершей в кассе цирка, он был принят сюда конюхом. Кусакин как-то встретил Хорсанина, узнал о том, что тот тоже мыкается в поисках постоянного места работы, и через свою сожительницу сумел пристроить его охранником.

Морозьяка, получивший на зоне кличку Нордец, выйдя из заключения, решил заняться бизнесом криминального свойства. Еще в тюрьме он сколотил шайку из законченных отморожков и на свободе занялся грабежом составов, перевозивших контейнеры. Несколько лет подряд банде Нордеца удавалось безнаказанно потрошить железнодорожные вагоны и приватизировать их содержимое. Но однажды им в голову пришла мысль почистить товарняк, перевозивший стрелковое оружие, которое подлежало переплавке. Винтовки Мосина, автоматы «ППШ» и «ППС», пистолеты «ТТ» и Коровина не пользовались большим спросом на криминальном рынке. Однако бандиты не учли того факта, что состав будет сопровождать охрана. Пусть и из зеленых пацанов-срочников, но тем не менее достаточно надежная.

Ночной порой на одном из малолюдных полустанков бандиты пытались вскрыть последний вагон состава. Внезапно с соседней тормозной площадки спрыгнул невысокий паренек лет восемнадцати в зеленом камуфляже с «калашом» на изготовку.

– Стой, не двигаться! – закричал он и бросился к ним.

Банда, ошарашенная его появлением, безропотно замерла. Скрюченные руки потянулись вверх. Однако через мгновение охранник негромко вскрикнул, рухнул ничком и замер. Из его спины торчал нож, брошенный из темноты Нордецом, затаившимся в стороне.

Вопреки расчетам бандитов парень оказался необычайно живучим и назвал приметы сразу двоих из тех, кого смог запомнить. Через неделю вся банда уже сидела в Лефортово. За свои подвиги Нордец получил червонец строгого режима. Однако, судя по всему, за него кто-то очень здорово молился. Он отсидел лет шесть и вышел на свободу по УДО.

Не так давно Нордец приехал к Кусакину и без обиняков заявил, что тот и Хорсанин должны ему по три лимона. Правда, в рублях. Но для теперешнего конюха и охранника эта сумма тоже была неподъемной. К тому же они никак не могли понять, откуда возник этот огромный долг. Тогда Нордец напомнил, что в пору их давнишнего, самого первого суда, когда они несли ответственность за зверское избиение незаконно задержанного человека, он за свой счет нанимал адвоката.

– Если бы не он, вам бы тоже тогда по пятаку прицепили, – угрюмо напомнил Морозьяка. – Благодаря моему баблу вы с Жориком всего по году валяли дурака на общем режиме. А я в тюремной камере парился. Там, знаешь, каждый день наперечет! – зло заключил он.

– Андрюха, побойся бога! – Кусакин попытался воззвать к совести бывшего подельника. – Ну должен так должен! Но ты, помнится, за адвоката отдал только полтинник!

– Полтинник деноминированных деревянных. А если считать в неденоминированных, то выходит полста лимонов! – хмуро буркнул Нордец. – Да и процентики набежали... В общем, вам с Жоркой неделя сроку. Будет бабло – мы квиты. Не будет – заточка в бок. Ты меня знаешь.

Кусакин его знал... Перетерев сложившуюся ситуацию с Хорсаниным, он сообщил Морозьяке, что есть возможность расплатиться, организовав похищение с конюшни цирка четырех коней донской породы. Каждый скакун стоил не менее двух миллионов рублей. Нордец согласился, хотя бы потому, что недавно прикупил себе изрядный кусок земли на Украине. Он подумывал разводить там

породистых лошадей. Четыре элитных скакуна с цирковой конюшни были бы весьма недурным началом этого дела.

Впрочем, имелись и иные пути получения хорошего барыша. За последние годы на Кавказе появилось изрядное множество новоявленных владетельных князей. Ради шика и всевозможных понтов они готовы были выкладывать миллионные суммы, украденные из бюджетов различного уровня. Нордец как вариант обдумывал выгодную продажу лошадей кому-то из них.

Все бы прошло как по маслу, если бы не фортель, который надумал выкинуть Хорсанин. Как и было заранее обговорено, Кусакин напичкал лошадей кормом с аминазином и ушел домой, чтобы обеспечить себе алиби. Поздней ночью конюх незаметно вернулся в цирк, чтобы передать дончаков Нордецу. Здесь он узнал, что тот был застигнут в конюшне Леонидом Вельницким и Морозьяка убил его наповал. Уже тогда Кусакин понял, что надо срочно заметать следы, чем он и занялся, не дожидаясь рассвета.

Впрочем, все эти его усилия были напрасны. Если молодого опера за счет липового алиби ему удалось провести без особого труда, то сыщик со стажем и огромным опытом работы сразу же почувствовал фальшь и, можно сказать на уровне интуиции, определил личностей, причастных к преступлению.

Тем же днем лошадей нашли на пустой заброшенной ферме в одном из подмосковных сел. Как оказалось, Нордец уже нашел покупателя с Северного Кавказа и ждал поступления денег. После задержания Морозьяка вместе с подельниками был препровожден в СИЗО.

На вопрос следователя, что за нужда была убивать охранника, он ответил с угрюмым равнодушием:

– Привычка... Он рыпнулся, дернулся, хотел тревогу поднять. А у меня рука сама, на автомате сработала. Гляжу – он уже готов.

В цирке поверить не могли, что столь темную историю, на которой споткнулись сотрудники райотдела, опера из главка распутали в течение часа с небольшим. В знак признательности Гурову и Крячко руководством цирка были выделены месячные абонементы на посещение их заведения. Лев Иванович и Станислав заранее знали, что целый месяц изо дня в день ходить на представления, даже

будучи самыми рьяными поклонниками цирка, – дело абсолютно нереальное, да и никчемное. В знак уважения к циркачам они с трудом выкроили пару свободных часов и пришли на представление – нанесли, так сказать, визит вежливости.

Глава 2

Опера получили свою долю аплодисментов, ощутили себя героями дня. Теперь они наблюдали за ходом программы точно так же, как и все прочие, самые обычные зрители. Сыщики от души смеялись над дурашливыми проделками клоунов, с внутренним замиранием сердца следили за экстремальными пируэтами воздушных гимнастов, с интересом всматривались в рукотворные чудеса, демонстрируемые фокусником.

Во время антракта они зашли в буфет и занялись дегустацией тамошних блюд. Стасу понравилось все без исключения, а вот Гурову показалось, что в театре пирожные были вкуснее. Потом приятели вернулись на свои места, и началось второе отделение программы.

Конное представление с участием четверки скакунов золотистой масти вызвало в зале шквал зрительских восторгов. Парни в форме кубанских казаков демонстрировали чудеса джигитовки. Они на ходу выписывали в воздухе сальто, все четверо разом перепрыгивали со своей лошади на ту, которая скакала следом. Стоя в седле, парни жонглировали булавами и кольцами, подхватывали с арены самые разные предметы.

С не меньшим восторгом зрителями были приняты дрессированные гуси и индюки, ослики и шимпанзе. Потом арену окружила специальная сверхпрочная металлическая сетка. На нее, глухо урча и хлеща себя длинными хвостами, выбежали три льва и пять тигров. В воздухе сразу же повеяло тяжелым духом крупных хищников.

– Блин, сроду не мог понять чудаков, которые держат у себя таких вот зверюг, – склонившись к Гурову, негромко сказал Стас. – Мало того что эти киски могут выйти из подчинения и порвать хозяина в клочья, так еще и атмосфера в доме будет как в зверинце.

Справа от Крячко сидела особа бальзаковского возраста и чопорного вида. Услышав его слова, она жеманно скривила губы и недовольно изрекла:

– Простите, что вмешиваюсь, но я с вами в корне не согласна. Это очень милые создания, дружелюбные и миролюбивые. Если они проявляют агрессию, то в этом всегда и однозначно виновен только человек. Именно он озлобляет животных. Да и относительно амбре вопрос спорный. Эти бездельники-дрессировщики вечно экономят на зоошампуне, поэтому и возникают понятные проблемы.

– Да-да, вы правы, – Станислав повернулся к ней и одобрительно закивал с наисерьезнейшим видом. – Экономят! А ведь тигров и львов – что общеизвестно – купать одно удовольствие. Они очень любят воду. Если в ванну добавить зоошампунь, то их оттуда палкой не выгонишь...

Дама поняла, что этот гражданин с крепкими плечами, обтянутыми кожаным пиджаком, иронизирует и ерничает, возмущенно фыркнула и отвернулась.

Представление тем временем шло своим чередом. Тигры и львы, повинувшись дрессировщику, одетому в яркий костюм, напоминающий старинный гусарский мундир, послушно выполняли все его приказания. Они прыгали через обруч, катались на карусели, держали в зубах деревянные кольца. К ним крепились качели, на которых дрессировщик качался вместе с одним из львов.

Но в какой-то момент приятели почувствовали, что поведение одного тигра изменилось. Он все чаще огрызался и отказывался выполнять команды, угрожающе рычал и всем своим видом давал понять, что очень раздражен и недоволен происходящим. Как видно, именно поэтому дрессировщик поспешил закончить выступление и отправил своих опасных артистов с арены в зверинец.

Казалось бы, все закончилось вполне благополучно, однако в самый последний миг произошло нечто неожиданное. Когда непослушный тигр, щерясь и огрызаясь, неохотно отступал последним в сетчатый коридор, где-то в центре зала раздался громкий хлопок. Гуров оглянулся и увидел гогочущую компанию юнцов, скорее всего из числа так называемой золотой молодежи. Один из них бросил в проход петарду. Взоры всех зрителей зала также обратились в сторону хулиганистых недоумков, донельзя довольных своей проделкой.

Тигр в момент хлопка резко дернулся, издал угрожающий рев, обернулся и свирепо набросился на дрессировщика. Одним ударом лапы хищник обрушил его на арену, вцепился зубами в руку у самого плеча и, как видно, прокусил ее насквозь. Мужчина вскрикнул от боли и, судя по всему, потерял сознание. Из разорванной артерии хлынула кровь. В зале раздались испуганные крики и даже вопли. Все решали доли секунды.

Гуров вскочил, выхватил из подмышечной кобуры пистолет, навел ствол на зверя и нажал на спуск. Стас тоже сунул руку за пазуху и поднялся, но Лев его опередил. Грянул выстрел, раскатившийся эхом под высоким куполом цирка.

Тигр на мгновение замер, выпустил свою жертву и судорожно дернулся. Через секунду он тяжело рухнул наземь, подергиваясь и агонизируя. На арену тут же выбежали униформисты и спешно унесли дрессировщика, истекающего кровью. Четверо рослых мужчин в рабочей спецодежде взяли тяжеленную кошку за лапы, с трудом подняли и унесли. Голова тигра волочилась по полу. Из простреленного глаза каплями стекала вязкая венозная кровь.

Дама бальзаковского возраста стиснула руки на груди и смотрела на происходящее расширившимися от ужаса глазами. Она покачала головой и даже не проговорила, а простонала:

– Какой ужас!

Крячко быстро взглянул в ее сторону и уверенно проговорил:

– Успокойтесь, ничего страшного... Я думаю, все обойдется. Его обязательно спасут.

Та еще шире раскрыла глаза, повернулась к Стасу, поглядела на него как на инопланетянина из «Чужих» и с расстановкой отчеканила:

– Нет, его уже не спасут!

Только тут до Станислава дошло, что сердобольная тетка тужит не по человеку, пострадавшему от клыков хищника, а по тигру, убитому Гуровым. Его указательный палец непроизвольно дернулся к виску, чтобы изобразить

общеизвестный жест, призывающий подкрутить в мозгах шурупы, но Стас вовремя спохватился и всего лишь почесал кончик уха. Откуда-то сбоку к операм подбежал вконец расстроенный и обескураженный директор цирка. Пожимая плечами и горемычно вздыхая, он схватил руку Льва Ивановича и размахисто ее потряс.

– Спасибо вам огромное! – с чувством сказал он, не выпуская ладони Гурова. – Вы уже второй раз выручаете нас в трудной ситуации. Если бы дрессировщик погиб, то даже не знаю, что тогда было бы с нами. Комиссиями заездили бы до полного абзаца. Чем мы могли бы вас отблагодарить? Может быть, еще месячный абонемент?

– Нет-нет, спасибо! – Лев Иванович отрицательно мотнул головой. – Если честно, то мы и сегодня-то едва смогли прийти, лишь кое-как выкроили время из рабочего графика. В данном случае мы были как бы на работе и поэтому лишь выполнили свои служебные обязанности.

Тетка бальзаковского возраста уже направилась было вслед за прочими зрителями, начавшими покидать цирк. До представления ли, если случилось такое?!

Но она услышала последние слова Гурова, дернулась, обернулась и с возмущенным ехидством уточнила:

– Свои служебные обязанности вы видите в том, чтобы убивать благородных, прекрасных, ни в чем не повинных животных?

Лев Иванович окинул ее понимающим, но саркастичным взглядом и спокойно ответил на этот выпад:

– В мои служебные обязанности входит спасение жизни людей, оказавшихся в трудной ситуации. Я понял вашу позицию и вот что хотел бы сказать по этому поводу. Минувшей зимой прямо во дворе многоэтажки стая бродячих собак растерзала пятилетнего мальчика. Так вот, как потом стало известно, эти собаки вокруг дома обосновались не случайно. Их постоянно прикармливала некая престарелая гражданка. Что самое характерное, она видела момент нападения собак на ребенка, но не пошевелила и пальцем, чтобы его спасти. Более того, бабулька с улыбкой наблюдала за тем, как ее любимцы рвали на части ни в чем

не повинного малыша. Наверное, она тоже по-своему добрый человек. Только доброта эта очень уж уродливая и страшная. Как вы думаете? – Сыщик улыбнулся, с оттенком сожаления глядя на дамочку, побагровевшую от негодования.

Она ничего не ответила, посмотрела на оперов так, будто хотела испепелить их, и зашагала прочь.

Следующим утром Гуров, как и обычно, вошел в свой кабинет и уже с порога услышал требовательную трель телефона внутренней связи.

Подняв трубку, он узнал голос Орлова:

– Лева, привет! Стас еще не появился? Ну, это и неудивительно. Для него долго дрыхнуть дело обычное. Зайди ко мне...

По интонации своего начальника и приятеля Гуров сразу почувствовал, что у того целый ворох всевозможных новостей, к тому же не самых приятных. Скорее даже наоборот. Он прошел через приемную, поздоровался с Верочкой, секретаршей генерала Орлова, и не мог не заметить ее сочувственного взгляда.

«Неладно что-то в датском королевстве... – сама собой в памяти Гурова всплыла фраза, которую имела обыкновение повторять Мария, его жена. – Хотелось бы знать, кто и какую гадость нам преподнес на сей раз».

Петр Орлов сидел за своим рабочим столом и копался в ворохе бумаг.

Он пожал Гурову руку, указал на кресло напротив и со значением в голосе обронил:

– Утро начинается с рассвета, а наш рабочий день – с раздачи пряников.

– Ну да. – Гуров охотно подхватил его мысль и усмехнулся. – В полном соответствии с законом бутерброда, который гарантированно падает на пол маслом вниз, а мы – на ровном месте, да еще и мордой об асфальт. Ну, выкладывай, не томи. Что за пряники ты припас по мою душу?

Петр достал из кожаной папки для бумаг какую-то газету и подал ее Льву:

– Вот, посмотри. Это издание неких ультразеленых радикалов, где описывается твоя, как там сказано, расправа с беззащитным животным.

Гуров развернул «толстушку», носящую название «Мир фауны и флоры», и прямо под логотипом газеты увидел заголовок, набранный слишком уж крупными буквами: «Изуверство в цирке». Тут же было размещено его фото на фоне снимка с жизнерадостно резвящимися тиграми. Подзаголовок вопрошал: «Вам не стыдно, полковник Гуров?»

Лев Иванович нашел статью на второй полосе газеты и сразу же узнал на снимке ту самую особу бальзаковского возраста, с которой оказался по соседству во время представления в цирке. Давая интервью корреспонденту газеты, защитница тигров не скупилась на эпитеты и метафоры, клеймя, как она считала, убийцу беззащитного животного. Не жалея красок, дама расписывала последние мгновения жизни благородного представителя семейства кошачьих:

«Это было ужасное зрелище. Животное, выразившее свой решительный протест по поводу заточения в клетке и антигуманной изощренной эксплуатации на потеху толпы, стало жертвой алчной кровожадности так называемого сотрудника правоохранительных органов. Мне запомнилось выражение лица полковника Гурова в момент выстрела. На нем была написана злобная радость и упоение своим всемогуществом. Мне никогда не забыть стона несчастного тигра, который умирал в невероятных мучениях. Его прекрасное могучее тело билось в агонии, не желая покидать это мир. Возможно, в этот миг он вспоминал свои родные дебри, откуда двуногие цари природы увезли его в мир каменных стен, чадающих машин и железных клеток».

Лев Иванович просмотрел статью до конца, зацепил краем глаза большой материал на третьей полосе, клеймящий вдоль и поперек так называемых догхантеров, то бишь самодеятельных истребителей бродячих собак, и положил газету на стол.

– Ну и что тут можно сказать? – Он пожал плечами. – Этой статейкой издатели гарантированно выдавили слезу из немалого числа таких же гуманистов, как эта тетка. Но я больше чем уверен, что защита животных для этого издания – дело десятое. Главная задача – выжать побольше слез и, соответственно, спонсорских

денег. Обрати внимание: в конце номера указаны счета, на которые просят перечислять средства для постройки и содержания приютов для бездомных животных. Больше чем уверен, что деньги поступают туда немалые. А приютов в Москве у нас сколько? То-то же!.. Кстати, а откуда у тебя эта макулатура?

Орлов взял газету, небрежно бросил ее в ящик стола и пояснил:

– Из министерства, вестимо. Вчера вечером мне передали ее вместе с требованием сегодня же сообщить о результатах рассмотрения этого случая. Так что вам со Стасом придется написать объяснительные.

– Напишем. – Лев пренебрежительно поморщился. – Пусть бы эти гребаные любители выжимать слезы поместили в своей газетке фото дрессировщика, который теперь, скорее всего, останется инвалидом. Это все?

– Размечтался! – Петр откинулся в кресле и саркастически хохотнул. – Когда это было, чтобы я не припас вам со Стасом какого-нибудь гостинца? Вот, вашему вниманию предлагается дело об обстреле неизвестными лицами вертолета МЧС в Средневолжской области. На, ознакомься...

Недоуменно подняв брови, Гуров пролистал материалы предварительного расследования – заявления и развернутые докладные записки пилота и наблюдателя, рапорты лесничих, протокол осмотра места происшествия, акт судебно-медицинской экспертизы обломка плечевой кости, статистические данные о загадочных исчезновениях людей в Средневолжске и по всему тамошнему региону, а также другие бумаги.

– Я так понял, нам предлагается съездить в Средневолжск и навести шороху среди тамошних сатанистов, – утвердительно спросил он, выжидающе глядя на Орлова.

– Да, ты все понял абсолютно правильно. Именно съездить и навести шороху. – Генерал энергично кивнул.

В этот момент дверь кабинета со щелчком распахнулась, и на пороге появился Станислав Крячко.

Он одарил присутствующих своей неизменно оптимистичной ухмылкой и громко поинтересовался:

– О чем ведем разговор и почему без меня? Всем привет, привет, привет! – Крячко пожал руки Петру и Гурову, плюхнулся в кресло и продолжил свою тираду: – Я так понял, нам опять какое-то непильное дельце подгребают? Да? Ну, колись, Петро, колись! Что там на сегодня?

Дождавшись конца его словоизвержения, Орлов в общих чертах повторил фабулу происшествия в средневожских лесах. Услышанное Стаса не впечатлило.

– Не понял! – Крячко совершенно серьезно, даже с вызовом пожал плечами и потряс головой. – А нашим средневожским коллегам самим слабо раскрутить эту хрень? Мне так думается, что вся эта история самого заурядного пошиба.

Петр иронично усмехнулся, сокрушенно вздохнул и заявил:

– У Стаса все, что бы ему ни предложили, – заурядная хрень. А как дойдет до серьезного разбирательства, так в конечном счете вылезает нечто любопытное, выходящее за рамки обычной уголовщины. Вспомни, как ты брыкался, когда нужно было найти инженера, пропавшего без вести. А куда все это вырулило в реальности? На вопросы национальной безопасности страны. Вот и здесь, скорее всего – печенкой чую! – таится что-то очень и очень серьезное. Кстати, в отличие от тебя Лева вот так сразу возражать не стал, – особо отметил генерал, подкрепил свои слова тыканьем указательного пальца в потолок и поглядел на Гурова, все еще листающего дело.

Лев Иванович оторвался от бумаг, внимательно посмотрел на Орлова и негромко прокомментировал услышанное:

– Ну, я-то, может быть, и не поспешил с возражениями, но – давай это возьмем во внимание! – согласия пока что тоже не давал. Дело – я согласен – очень неординарное. Ты уверен, что тамошними нашими коллегами было сделано все возможное для его раскрытия? Не получится ли опять так, как уже частенько бывало? Некоторые мастера сыска не раз внаглую спихивали нам свои дела, чуть появлялись какие-то осложнения. Так же проще. Свалил с больной головы на здоровую, и пусть она обо всем думает. А у самих-то этих типов ни в зарплате,

ни в стаже ущерба никакого. Как в той детской песенке: папа решает, а Вася сдает.

Генерал потер лоб, тягостно вздохнул и заметил:

– Лева, не забывай, что на пути к вам есть такой достаточно плотный фильтр, как мое мнение. Ты даже не представляешь, сколько всякого пустоцвета, о котором ты только что упоминал, ежедневно ложится мне на стол. Кто бы знал, как мне приходится от него отбиваться!.. А это дело, между прочим, прислали из министерства. Тут может быть только один ответ: «Приступаем к выполнению!» Другие не принимаются.

Гуров понимающе кивнул и поинтересовался:

– Ну а сам-то ты что думаешь об этой истории?

– Сам? – Орлов издал очередной тяжкий вздох. – Сам-то я вижу в этой хрени какое-то двойное дно. По-моему, ситуация не столь очевидна, какой кажется на первый взгляд. Есть тут что-то такое, что заставляет думать о случайном столкновении государства и общества с некоей мощной, хорошо законспирированной, тщательно отлаженной системой, в сравнении с которой всякие там Грабовые и Рудаковы не более чем мелкая шпана.

Выслушав его, Лев кивнул и проговорил:

– Ну, это уже что-то внушает. Во всяком случае, не смотрится пустой хохмой, которая невесть с какого бодуна втемяшилась в голову очередного клоуна, незнамо как получившего погоны и чин. Что думаешь, Стас?

Тот с безразлично-равнодушным видом безнадежно махнул рукой и ответил:

– А что тут думать? Ну не брошу же я своего лучшего друга в трудную минуту, не отдам же его на съедение каким-нибудь оголодавшим сатанистам! Так что...

– Ну вот и славненько! – Генерал одобрительно кивнул. – Сейчас шагом марш в бухгалтерию за командировочными – и в путь!

Гуров упреждающе поднял руку и строго заявил:

– Один момент! Едем туда без шума и трескотни. Даже в министерстве пусть думают, что мы все еще прикидываем, ехать или нет. И вообще, чем гуще туман по поводу нашего отбытия, тем больше шансов на успех.

– Хорошо. Без проблем! – Орлов коротко кивнул. – Я помню, вы уже раз несколько отправлялись в регионы под прикрытием. Почему бы и нет? Если это на пользу делу, то можно малость и посеCRETничать.

Студент четвертого курса агрономического факультета Средневолжского аграрного университета Дмитрий Ветлугин второй день подряд сидел в комнате общежития и корпел над курсовой работой по экономике. В ней излагались различные варианты корреляции статистических данных урожайности зерновых с учетом таких факторов, как продовольственные интервенции и дотационная политика регионов. Тема, что стало ясно с первого взгляда, была во многом надуманной, заумно-тупейшей и очень скользкой. Ее Ветлугину специально навязал доцент Шашулин, один из самых занудливых преподавателей университета. Именно с расчетом на то, что он с ней облажается. В самом деле, учитывая многозначность и неопределенность темы, при любом ее раскрытии препод мог отклячить губу и пренебрежительно обронить: «Неправильно, неуд!» А это могло означать только одно: гони бабло.

Но Димка, в свое время без труда поступивший на бюджетное отделение, считал для себя унизительным отстегивать рубли за оценки по курсовым, семинарам и за сессионные экзамены, что очень не нравилось немалому числу преподавателей. Круглым отличником Ветлугин не был, но природная смекалка и отменная память позволяли ему давать убедительные ответы на самые каверзные вопросы соискателей халявных дензнаков. За минувшие четыре года учебы большинство преподавателей смирились с тем обстоятельством, что с ершистого провинциала, приехавшего в Средневолжск откуда-то из степи, взятки гладки, но доцент Шашулин не терял надежды однажды урвать и с него хоть малую толику материальных благ.

Прошерстив Интернет и университетскую библиотеку, Ветлугин нашел кое-какие материалы по этой чертовой корреляции. Он взял в работу и последние статистические данные, найденные в периодике. Но самое главное, он случайно

обнаружил давнюю работу ректора университета профессора Кайданцева, тогда еще малоизвестного доцента, посвященную подобной тематике. Она стала мощнейшей миной, заложенной под возможные наезды со стороны Шашулина. Допустим, тот вздумает опустить курсовую ниже плинтуса, объявить ее бредом сумасшедшего. В таком случае запросто можно будет положить перед ним брошюру Кайданцева и с эдаким тонким приколом уведомить: «А вот этот автор с вами явно не согласен!» Пусть тогда Шашулин зеленеет от злости и крутится, выискивая новые придирки.

Взглянув на часы, Димка с удивлением отметил, что время уже близится к одиннадцати. Трое его соседей по комнате обучались на коммерческой основе. Учитывая, что время было вечернее, они, скорее всего, сейчас торчали где-нибудь в кафе со своими приятельницами. Один из них, оренбуржец Юрка Фролов, встречался с девчонкой из своего же универа с перспективой создать с ней, говоря официальным языком, новую ячейку общества. Зато воронежец Генка Махов и туляк Сашка Колотилин донжуанили на всю катушку, чуть ли не ежедневно находя себе новых подружек.

Разумеется, им тоже приходилось ходить на лекции, готовиться к семинарам и писать курсовые. Но, понятное дело, не в том напряге, с каким был вынужден работать бюджетник Ветлугин. Их небедные папы и мамы при случае могли подкинуть гульденов. Любые заморочки со сдачей экзаменов и зачетов решались за счет купюр, вложенных в зачетку. Димкины родители всю жизнь проработали в селе и не нажили ничего, кроме хронического радикулита. Такой роскоши позволить себе они не могли.

«Ну так что, на сегодня хватит? – Димка захлопнул ноутбук, потянулся, помотал головой – от этого экономического занудства она гудела как трансформатор. – Все! Отбой!»

Именно в этот момент раздался осторожный стук в дверь. Ветлугин удивленно оглянулся – кого еще там принесло? Если бы это был кто-то из соседей по комнате, тот черта с два стал бы вот так деликатничать – он воспользовался бы своим ключом. Если это кто-то из однокурсников, то он долбил бы в дверь кулаком, как это было принято в их общежитии. Тогда кто же это мог быть? Теряясь в догадках, Димка открыл дверь и недоуменно нахмурился. Перед ним стояла его однокурсница Екатерина Гусева по прозвищу Кармен. Он ожидал увидеть кого угодно, но только не ее.

Впервые Катю Гусеву он заметил, когда сдавал документы в приемную комиссию университета. Среди толпы абитуриентов она в своем наряде «от кого-то» смотрелась экзотичной павой, случайно оказавшейся в стае сизарей, сорок, грачей и прочих ординарных пернатых, которые слетелись на крону большого дерева, галдели и спорили о чем-то своем.

Девушка шествовала через толпу вчерашних и позавчерашних школьников, солдат срочной службы, сегодняшних клерков разных компаний и фирм. Глядя сквозь всех, кто оказался на ее пути, она нахально прошла в секретариат приемной комиссии, даже не поинтересовавшись, кто крайний в очереди. Впрочем, еще не успели затихнуть возмущенные голоса парней и девчонок, теснившихся у двери, как павы вышла из кабинета и все так же, глядя сквозь каждого, оказавшегося на ее пути, направилась к выходу.

Димка Ветлугин, вчерашний морпех с Балтики, стоявший в общей толпе, в отличие от большинства абитуриентов, отнесся к появлению брюнетистой красотки без особого внимания. Ну пришла и пришла. Ну ушла и ушла. Чего попусту молотить языком?

Он вновь увидел ту самую паву на первой, вводной лекции, которую читал декан их факультета доктор наук Максимов, и даже несколько удивился. Что ее занесло в аграрный университет? Судя по манерам и прикиду, Екатерина происходила из семьи не просто не бедной, но гораздо сверх того. Такие барышни обычно прорывались в МГУ, МГИМО и иные суперпрестижные вузы. Это не говоря уж о загранице. А тут прямо-таки Шэрон Стоун в юности, которая, не поймешь с какого бодуна, надумала затесаться в агрономы.

Пару месяцев спустя первокурсники в основном уже освоились и перезнакомились друг с другом. В это время студенческий телеграф вдруг донес до Дмитрия весьма любопытные сведения. Оказывается, Катя Гусева, прозванная однокурсницами Кармен, что ею было принято необычайно благосклонно, называла его в кругу своих наперсниц одаренной бездарностью. По ее мнению, таким персонам, как Ветлугин, нужно не в университеты поступать, а идти в токари-пекари. Ведь армейская служба сделала образ его мысли совершенно примитивным. Единственное, на что он способен, – это тупо зубрить учебные материалы. А еще она, как и многим другим на курсе, придумала ему какое-то ординарно-туповатое прозвище по первым слогам его имени и фамилии – Димвет.

Димка услышал это сообщение, переданное ему Генкой, пожал плечами и заметил, что не видит повода для какого-либо расстройств.

– Да и вообще, какого рожна ей надо? – не отрываясь от учебников, риторически спросил он. – Учусь так, как уж умею. Ей-то до этого какое дело? К чему всякие там характеристики? Я же не говорю, что ее место, к примеру, где-нибудь на панели, не придумываю никаких кликух. Интересно, как бы она отреагировала, если бы я, допустим, сократил «Кармен Гусева» до какой-нибудь Каргуси? Похоже, делать ей нечего, вот ерундой и занимается.

Трудно сказать, сколь точно доставил его слова до Кармен все тот же телеграф, частенько сбивавшийся на режим испорченного телефона, но с той поры их отношения, и без того прохладные, стали обостренно-натянутыми. Особенно после того как прозвище Каргуся приросло к ней сразу и намертво.

Но сильнее всего Кармен раздражало олимпийское спокойствие Ветлугина. Чем больше Димка ее игнорировал, относясь к ней как к пустому месту, тем язвительнее становились заочные выпады барышни. Но он на них практически не реагировал, а если отвечал, то это становилось предметом обсуждения всего курса.

Как-то раз Кармен в миг поэтического вдохновения обнародовала эпиграмму: «Есть безвалентный элемент, его название – Димвет. Пройдет и год, и десять лет, коль есть Димвет, то с ним – привет». Буквально на следующий же день ей принесли ответную эпиграмму, да еще и снабженную шаржем, причем, как не могла не отметить Кармен, весьма похожим и далеко не бездарным. Кривя губы и хмурясь, она прочла следующее: «Посмотрим мы вдаль, посмотрим и вширь. Есть радуга, но есть и мыльный пузырь. Есть спичка и солнце. Есть лужа и Волга. Не стоит так пыжиться – лопнуть недолго».

Ну а после того как Димка без подсказок и подмазок сдал первую сессию на «отлично», любые кривотолки насчет его ограниченности, связанной со службой в армии, сами собой очень быстро сошли на нет. Теперь Кармен старательно, даже демонстративно игнорировала Димку, реагируя на него как на пустое место. Впрочем, он этого совершенно не замечал, что вполне укладывалось в типаж натуры, о которой принято говорить: и потерял – молчит, и нашел – молчит.

Как видно, Кармен заранее предполагала, какой может быть реакция Ветлугина на ее появление. Не давая ему опомниться, она приятельски улыбнулась и чуть кокетливо поздоровалась:

– Привет, Дима! Ты один?

Ее непроницаемые черные глаза и пышные темные локоны, падающие на мраморно-белые плечи, не прикрытые платьем от кутюр весьма смелого покроя, скорее всего, сразили бы наповал всякого. Но только не Димку.

– Привет. – Пытаясь сообразить, что за подвох кроется за этим визитом, Ветлугин окинул девушку изучающим взглядом. – Был один. Ну теперь, надо понимать, уже нет.

Кармен, заметно обрадованная тем, что он воспринял ее появление без раздражения и какой-либо язвительности, старалась проявить все свое незаурядное обаяние, указала взглядом на дверь, прищурилась и спросила:

– Ну так, может, пригласишь? Или я настолько страшна, что такую стремно пустить даже на порог?

– Заходи. – Дима вновь не проявил никаких эмоций и лишь отступил вбок, пропуская девушку в комнату.

Кармен села за стол напротив него и теперь уже заговорила сдержанно и деловито, без намека на кокетство:

– Дима, мне сказали, что ты делаешь курсовую по вариантам корреляции статданных урожайности, так?

– Да, все верно, по корреляции. – Парень кивнул, уже начиная догадываться о причинах ее появления.

– Вот и мне Шашулин подкинул эту же тему. – Кармен изобразила огорчение и досаду. – А я с ней забуксовала наглухо. Пару листов написала, и на этом все, мысли кончились. Не сможешь?

Ветлугин чуть пожал плечами и осведомился:

– В каком плане?

– Ну-у... Свою курсовую ты чуточку подкорректируешь, чтобы не смотрелась один в один с той, что будешь сдавать сам, и... – Кармен хитро улыбнулась, а потом как-то неопределенно повела рукой. – А я, разумеется, в долгу не остаюсь. Плачу два номинала. Ну так как? Договоримся?

Димка устало провел по лицу ладонью, тяжело вздохнул:

– Катя! – Он посмотрел на свою гостью в упор, словно видел ее насквозь. – Ну что ты несешь? Тебе эта курсовая – как зайцу барабан. К тому же Шашулин для тебя что есть, что нет. Тебе ли его бояться при папиных финансовых возможностях? – Ветлугин сделал паузу, ожидая возражений, но их не последовало. – И вообще, зачем все так усложнять? Ради чего нужно было придумывать сюжет с курсовой за два номинала? Да тут и дураку понятно, что если ты эти же два номинала отдашь Шашулину, то он тут же поставит тебе «отлично».

Слушая его, Кармен отчего-то очень быстро поскучилась и даже сникла. Тем не менее, все еще стараясь прибодриться, она натянуто рассмеялась.

– Ты считаешь, что я пришла к тебе с какими-то иными целями? – спросила девушка, интонацией пытаясь подчеркнуть необоснованность его суждений. – Хорошо, скажи сам, в чем видишь подоплеку.

Димка как бы спросил ее взглядом: «Ты и в самом деле хочешь это знать?..», а вслух произнес:

– Хорошо. Вот моя версия. Сидели вы своей компашкой, скорее всего, у Ленки Ситниковой, сплетничали, перемывали всем кости и дико скучали. От нечего делать пришло вам на ум заключать всякие пари. Вот ты и двинула такую идею: «А закадрю-ка я хохмы ради этого зануду Димвета». Твои подружки тут же сделали ставки. Я думаю, что они чрезвычайно велики. Так?

Кармен словно утратила дар речи. Она ошарашенно смотрела на своего визави, как видно, пытаясь собраться с мыслями. Барышня никак не ожидала от него

такой пронизательности и теперь не знала, как достойно выйти из сложившегося положения, говоря на японский манер – не потеряв лица. Сейчас она сама себе напоминала начинающего воришку, которого застигли за извлечением кошелька из чужого кармана.

Молчание затягивалось. Кармен внезапно почувствовала, что если сейчас она не придумает хоть чего-то стоящего, то очень скоро рискует стать посмешищем всего курса. Да, наверное, и университета. Но ни одной стоящей мысли в голову отчего-то не приходило. Что же делать-то? Девушка молча поднялась из-за стола. Димка спокойно наблюдал за нею, не проявляя ни злорадства, ни язвительной иронии. Он был серьезен и невозмутим.

Кармен сделала шаг к двери, неожиданно для самой себя вернулась назад и неохотно призналась:

– Да, все именно так и было. Да, мы заключили пари. Да, я и в самом деле поспорила, что в течение недели сумею вскружить тебе голову. Ты будешь ходить за мной как привязанный, а я потом прилюдно тебе скажу, что все это было розыгрышем. Но ты оказался намного умнее, чем я думала. Черт! Что ж за невезуха-то такая? Фокус не удался, факир был пьян. Ну, теперь все! Я буду в помоях с ног до головы... – горестно констатировала она.

– С чего бы вдруг? – Ветлугин вопросительно прищурился. – Ты полагаешь, что поливать тебя помоями начну я?

– Нет. – Кармен отрицательно мотнула головой. – Ты не такой человек, я в этом уже убедилась. Выльют их на меня мои бесценные подружки. Да, ты правильно сказал – ставки этого пари и в самом деле чрезвычайно велики. Мой проигрыш измеряется не в деньгах. Если бы!.. Мне придется сделать нечто... м-м-м... экстраординарное. А долг человека, проигравшего пари, – то же самое, что и карточный. От него не отмахнешься. – Она закрыла лицо ладонью, тягостно вздохнула и помотала головой.

– Так что же тебе вменил твой высший свет? – Ветлугин почти přátельски усмехнулся. – Прыгнуть с неисправным парашютом? В присутствии ребят из ППС нацарапать гвоздем на их машине «Все менты козлы»? Пойти в зоопарк и дернуть за хвост скунса?

Его интонация располагала к дальнейшей откровенности. Кармен это почувствовала безошибочно.

– Да нет, все обстоит гораздо хуже, – решила признаться она. – Во время лекции я должна буду войти в аудиторию без всего. Абсолютно! Представляешь? Ну и, понятное дело – кто бы в этом сомневался?! – тем же днем пикантное видео гарантированно появится на ютубе, а завтра об этом узнают мои родители. Вот такая я дура!..

Дмитрий сочувственно резюмировал:

– Жестокое условие.

Уловив в его голосе нотки участия, Кармен мгновение поколебалась, быстро села напротив, склонилась к Ветлугину и торопливо заговорила:

– Дима, прости меня за все те глупости, которые я когда-либо говорила о тебе! Ну да, я самонадеянная дура и самовлюбленная стерва... Признаю! Но, Дима, очень тебя прошу, выручи меня! А? Поверь, как только подумаю о том, что придется голой войти в аудиторию, мне просто жить не хочется. Что потом будет?.. Дима! Выручи! Я готова на любые твои условия. Клянусь! – Она стиснула зубы и отвернулась.

По лицу Кармен было заметно, что она вот-вот расплчется.

Димка выслушал девушку, задумался, окинул ее внимательным взглядом и спросил:

– Катя, а где гарантия, что сказанное тобой – не продолжение розыгрыша, не вторая часть пари? Ведь получается так, что я в любом случае должен буду изображать из себя твоего ухажера. Кому-то другому придется как проигравшему проделывать то же самое, от чего окажешься избавленной ты. Верно? Как быть с этим? Если честно, то изображать из себя внезапно влюбившегося дурачка мне как-то не очень хочется.

При его последних словах Кармен даже отшатнулась. В ее глазах сверкнули искорки обиды.

– Ты считаешь, что влюбиться в меня может только дурачок? – растерянно спросила она.

– Не цепляйся к словам! – Дмитрий отмахнулся. – Успокойся! Влюбиться в тебя может кто угодно, но мне предлагается роль именно дурачка.

Кармен вымученно улыбнулась и заявила:

– Прости, что-то я в неадеквате. Дима! Ты классный парень! Честно говоря, я даже не ожидала, что ты хоть как-то сможешь меня выслушать и понять. По идее-то, сейчас я должна вызывать у тебя одну лишь антипатию. А давай-ка попробуем вместе обыграть ситуацию так, чтобы битых в этой истории не оказалось. Ты как?

– А такое возможно? – На лице парня промелькнула скептическая мина. – Твоя компания на ничью согласится? Слушай, Катя, ты ведь вовсе не дура. Да и не такая уж стерва, какую постоянно пыталась из себя изобразить. Взбалмошная – да. Избалованная – безусловно. Но явно не Леночка Ситникова, которая и маму родную подставит, лишь бы потом был повод ехидно хихикнуть в кулачок. Кстати, и остальные в твоей компашке – ее подобие. Абсолютно не могу понять, какого черта ты надумала заключать какие-то пари с такими ядовитыми личностями, да еще на таких идиотских условиях!

Кармен растерянно взглянула на Ветлугина и начала поправлять волосы. Как видно, она не решалась в чем-то признаться даже самой себе.

– Ну, понимаешь... – заговорила девушка, судя по всему, в какой-то мере себя к этому принуждая. – Есть такое понятие: престиж. Я с детства привыкла быть первой везде и во всем. Это как болезнь, как наркотик. Я была королевой в престижном детсаду, в элитной гимназии, на всех этих крутых тусовках. Там это было несложно. Результат гарантировали мои внешние данные и банковский счет отца. Попав сюда, я поняла, что здесь, среди, извини, пролетариев, королевой быть сложнее. Поэтому мне понадобилась свита. А в нее, сам знаешь, рвутся только такие вот достойные личности вроде Лены Ситниковой. Ну сам подумай! С первого своего появления в универе я выставила самую высокую планку престижа. Потом-то ее снижать уже как-то не к лицу. Согласен? А чтобы не рухнуть, надо держать в форме как себя, так и свиту.

– В общем, ты сама себя загнала в угол и теперь не знаешь, как из него выйти. – Димка понимающе покачал головой. – Даже и не пытаешься. А ты уверена, что сейчас являешься именно королевой, а не марионеткой в руках этих пройдохливых сорок? Они пользуются твоими деньгами, нарядами, тачкой... Даже идею пари они подбросили так, что ты этого и не заметила. Тебе и его условия навязали. Я прав? Ну признайся!..

Окончательно раздавленная, Кармен сидела опустив голову и стиснув пальцы. По ее лицу было видно, что она хочет, но боится признать правоту своего собеседника.

– Кстати, а чего ты вообще пошла на агрофак? – прервав затянувшееся молчание, неожиданно спросил Ветлугин. – Обычно такие, как ты, чада небедных родителей едут поступать учиться куда-нибудь в Москву, а то и в Париж, Лондон. Сюда-то что тебя занесло?

– До нашего универа я год училась в МГИМО, – негромко ответила его гостья, продолжая до боли стискивать пальцы. – Но это строго между нами. Об этом и моя свита ничего не знает. Однако мне пришлось уйти. Наделала глупостей, не важно каких. Вот строгий папуля меня оттуда и забрал, переадресовав сюда. Почему именно на агронома? У него мощный агрохолдинг, и он хочет, чтобы я однажды его возглавила. Но надо что-то знать, чтобы не оказаться той самой тупой марионеткой в руках пройдох менеджеров. Вот как-то так... Теперь что касается пари. Да, ты прав – его мне умело навязали. Я это видела, но возражать не стала – правила игры, знаешь ли.

– Ясно. – Димка понимающе кивнул. – Но как же ты думаешь обставить финал этого пари, чтобы, как говорится, и волки были сыты, и овцы целы?

Кармен несколько оживилась, изобразила какой-то замысловатый жест и ответила:

– Ну, например, ты как бы ни о чем не догадываешься, ни о каких пари ничего не ведаешь и как бы согласился сделать мне курсовую. – Кармен вскинула указательный палец. – Но ты предложил другие условия, а я была вынуждена согласиться на них. Какие именно? Ну, скажем, поездку к моим предкам в наш загородный дом на шикарный банкет. Что еще? О! Свою тачку на месяц отдаю в твое полное распоряжение. Как ты на это смотришь? А проигравших пари пусть

не будет. Якобы ввиду того, что я добилась твоего внимания, как и требовалось по условиям пари, но не в той форме и степени. Проигрыш Ленке и всем остальным я списываю, и выполнять условия пари никому не придется. Такой вариант тебя устроит?

Ветлугин не проявил видимого энтузиазма, откинулся на стуле и чуть заметно кивнул.

– Ладно уж, сойдет для сельской местности, – негромко обронил он с сокрушенной иронией и неожиданно спохватился: – Чай или кофе будешь? А то, блин, сразу предложить-то и не догадался...

В этот момент в двери клацнул ключ, и в комнату, что-то громко обсуждая, ввалились Генка Махов и Сашка Колотилин. Увидев Кармен, они разом умолкли и замерли в дверях, изумленно таращась в ее сторону. Увидеть уединившимися Ветлугина и Гусеву для них было чем-то столь же невероятным, как если бы средневековый монах-доминиканец надумал полюбезничать с участницей шабаша на Лысой горе.

Первым отреагировал на увиденное Колотилин.

– Добрый вечер! Пардон за вторжение! – Он развел руками. – Мы просто не предполагали, что в данный момент здесь проходит ваше свидание. Очень сожалеем, что помешали. Но раз уж мы все равно вторглись, то позвольте взять зубные щетки. Мы немедленно уйдем и до утра перекантуемся в другом месте. Как вам такой вариант?

– Ну, Димон! Ну жжешь! – Махов восхищенно причмокнул. – Обзавидоваться можно! Так, а где моя зубная щетка?

Уши Кармен зарделись. Она вскочила со стула и поспешила заверить, что ей уже пора. Да и вообще молодые люди неправильно поняли суть ее визита. Кармен скомканно попрощалась и поспешила уйти.

Глядя ей вслед, Сашка негромко присвистнул:

– Мать Божья! Она еще и смущаться способна?! Охренеть! Сроду бы не подумал. Дима, колись, что за воспитательную беседу проводил с Каргусей?! Покраснела, блин, как девочка невинная.

– Ладно, Саш, не хамя. Даже заочно... – Димка поморщился. – Гусева попросила сделать ей курсовую. У нее такая же тема, как и у меня. Гонорар – шикарный обед на вилле предков и ее тачка в моем распоряжении сроком на месяц. Это все! – уточнил он, увидев на Генкином лице многозначительно намекающую улыбочку.

– О-о-о! Тачка на месяц? Да еще с хозяйкой в комплекте? Шикарно! – Генка аппетитно причмокнул. – Завтра наш курс ждет обалденная сенсация!..

Глава 3

Дмитрий Ветлугин торопливо шагал по улицам Средневожска, направляясь на железнодорожный вокзал. Он собирался взять билет на конец мая, перед сессионной горячкой съездить домой и повидаться с родителями. А еще парень хотел навестить Олю, свою школьную любовь, с которой они собирались пожениться. Вернее, ее могилу. Когда Димка уходил в армию, она поклялась его дожидаться. Он с другими призывниками должен был садиться в вагон обшарпанного провинциального дизель-поезда, курсирующего между областным городом и степными райцентрами.

В самый последний миг Оля вдруг произнесла:

– Дима, мне почему-то страшно! Кажется, что видимся с тобой в последний раз...

Ее предчувствия оказались не напрасными. Всего через три месяца после их расставания Олю убила шальная пуля прямо на улице села, когда девушка вечером возвращалась домой от подруги. Пулю выпустил из ствола пистолета излишне темпераментный кавказец, который на людной улице устроил перестрелку с представителями другой южной республики. Гордые горцы, пользуясь трусоватым попустительством местных властных структур и так называемых правоохранительных органов, делили сферы влияния, чахлые

объекты сельского бизнеса.

Как и следовало ожидать, виновного в смерти Оли местные пинкертонеры отчего-то найти не смогли. Тогда, по образу и подобию былых времен, возмущенные жители села взялись за топоры и вилы. Наглый беспредел приезжих и продажность местных чиновников довели людей до точки. В знак протеста селяне перекрыли железную дорогу. О происшествии в Софроновке стало известно всем, особенно после размещения этой информации в Интернете.

Только тогда власть наконец-то зашевелилась. Чиновники собирались надавить на протестующих и вынудить их замолчать под угрозой огромных штрафов и тюремных сроков. Но ожидаемого эффекта это не дало. Более того, к софроновцам присоединились жители соседних сел, которых тоже достали бандитские наезды рэкетиров с юга и непоколебимое бездействие правоохранителей – как милиции, так и прокуратуры.

О происшествии в Софроновке стало известно в Москве, откуда немедленно выехала специальная комиссия. Убийцу Оли вычислили и нашли быстро. Правда, срок он получил смешной – как за непреднамеренное причинение вреда здоровью, повлекшее смерть при смягчающих обстоятельствах. На какое-то время бандиты притихли, после чего все вернулось на круги своя. Вымогательство, наезды, налеты, грабежи, избиения...

Известия, полученные из дома, надолго выбили Дмитрия из душевного равновесия. Он никак не мог уразуметь непоправимости происшедшего, ибо, по всем законам логики и здравого смысла, с Олей – единственной во всем этом громадном мире – не могло случиться того, что произошло на самом деле.

Как и все его сослуживцы, бойцы десантно-штурмового батальона морской пехоты, он ходил на занятия по строевой и общефизической подготовке, как и раньше, успешно сдавал нормативы по стрельбе из всех видов оружия, отлично держался на марш-бросках, был одним из лучших на полевых выходах и учебном десантировании. Поэтому к концу четвертого месяца службы Дмитрия Ветлугина перевели в разведвзвод батальона.

От других морпехов его отличало лишь одно. Когда те в свободную минуту обменивались новостями из дома и балагурили на разные темы, он уходил куда-то в сторону и оставался наедине со своими воспоминаниями. Парни знали

о его жизненной драме и относились к этому с пониманием.

Как-то пятеро морпехов из разведвзвода получили увольнение и отправились прогуляться по улочкам небольшого городка, стоявшего на берегу Балтийского моря. Проходя мимо местного супермаркета, парни увидели какого-то унылого солдатика с эмблемами царицы полей – пехоты. Тот вынес из магазина два огромных пластиковых пакета, набитые сыром, колбасой и прочей всевозможной провизией, увидел пятерых рослых парней в форме морской пехоты, испуганно замер и попятился.

Дмитрий подошел к нему и поинтересовался:

– Что, корифан, день рождения справлять надумал?

– Какой там день рождения! – отмахнулся тот. – Это отмазка для «черных ястребов». Ну, чтобы не били и не калечили.

Только тут морпехи заметили на лице пехотинца синяк, припудренный то ли мукой, то ли зубным порошком. Сообразив, что грабить его никто не собирается, парень пояснил, что «черные ястребы» – это северокавказские исламисты, которые специально идут в армию, чтобы заниматься там фактическим террором в отношении представителей других регионов, в том числе и мусульманских.

– Они нам открыто говорят, что их главная задача – развалить нашу армию изнутри, – приглушив голос, повествовал пехотинец. – Поэтому и издеваются над всеми, кто не с Кавказа. Могут избить, покалечить и даже убить. Еще до моего призыва пацана повесили, а виноватых даже не искали, написали, будто это самоубийство. Все должны ежемесячно платить им дань или везти грев, чтобы не били.

– А их у вас там много? – Ветлугин нахмурился.

– Человек тридцать, – вздохнув, сообщил пехотинец. – Но дело-то не в том, сколько их там служит. Ведь перед ними вся офицерня шестерит. У нас были ребята, которые пытались поставить их на место. Ну, дали этим уродам дрозда. Двоих тут же посадили по статье «хулиганство». Были такие, которые убегали домой. Их там вылавливали и сажали за дезертирство. Тому, что их постоянно избивают, никто не верит – ни следаки, ни суд. Парни, если у вас нет этих

гребаных чебуреков – считайте, что это не служба, а мед.

Весь обратный путь до своего подразделения Ветлугин молчал, о чем-то напряженно размышляя. Спутники, судя по всему, догадывались о его мыслях. Уже у самого КПП один из них поинтересовался напрямую, не собирается ли он сегодня сорваться в самоход, чтобы навестить пехотинцев. Дмитрий скрытничать не стал, подтвердил, что и в самом деле думает туда наведаться.

– Ну и чего ты туда один побежишь? – хмуро сказал широченный в плечах Федька Подковин. – Все впятером и двинем. Укрепим, так сказать, содружество родов войск.

Поздним вечером, пользуясь знакомством с каптером, парни раздобыли свои камуфляжи, которые надевали перед выходом в поля. Прихватив с собой и маски, они рванули вдоль берега моря, направляясь на восток. Бежать пришлось около пятнадцати километров. Это чепуха для бойцов, которые с полной выкладкой зараз преодолевали гораздо большие дистанции.

Морпехи нашли расположение бригады мотострелков и без труда перемахнули через железобетонное ограждение, которое, похоже, никто и не думал охранять. Слово тени, разведчики проскользнули на неопрятную, захлавленную территорию части. Судя по всему, ее командование уже пользовалось услугами так называемого аутсорсинга, который оказался хорош лишь для разворовывания казенных денег, но никак не для выполнения хозяйственных работ. Парни подобрались к крайней казарме и заглянули в окно.

Увиденное разведчиков покорило – за все время своей службы они не замечали ничего подобного. Несколько здоровенных мордovorотов, играя мускулатурой, отрабатывали удары на парнях, которые явно были в состоянии дать наглецам хороший отпор. Но солдаты покорно терпели издевательства. Приняв «стойку оленя», они молча сносили удары в прикрытую руками голову. Чувствуя себя хозяевами положения, южане о чем-то демонстративно громко говорили на родном языке, обменивались какими-то остротами, гоготали на всю казарму.

У стены, на которой было помещено полотнище с надписью: «Россия будет наша!», фотографировался долговязый усач. Около десятка солдат стояли перед ним на коленях, а он ставил ногу в тяжелом башмаке кому-то на плечи, кому-то

на голову. Когда один из парней не пожелал подставлять голову, усач не моргнув глазом ударом ботинка разбил ему в кровь лицо под одобрительные возгласы приятелей.

- Вперед! - надевая маску, тихо скомандовал Дмитрий.

Коротким рывком парни достигли входа в казарму. Дневальный, стоявший у тумбочки, остолбенел, увидев пятерых крепышей в камуфляже и масках, без эмблем и знаков различия.

Морпех, вбежавший первым, сурово предупредил:

- Тревогу не поднимать - башку оторву!

Не в силах издать ни звука, дневальный лишь согласно закивал в ответ, а парни в масках почти бесшумно скрылись за дверью жилого блока. Там, на свободном квадрате между входом и рядами коек, продолжалась экзекуция ослушника, посмевшегося воспротивиться усачу. Став кругом и перебрасываясь репликами, темноволосые амбалы по очереди пинали солдата, который сжался в комок и пытался уклониться от ударов.

Услышав хлопок двери и увидев неизвестных крепких парней с закрытыми лицами, амбалы насторожились и прекратили избиение. Притихла и все обитатели казармы, наблюдавшие за глумлением над своим сослуживцем.

Усач, судя по всему мнивший себя самым крутым и непобедимым, шагнул навстречу чужакам и недовольно пробурчал:

- Что за клоуны? Кто впустил?

Ответом ему стал прыжок одного из незваных гостей. Морпех взлетел и сокрушительным ударом ребра берца в лицо опрокинул наглеца навзничь. Усач хрипло вскрикнул и громко бухнул по полу затылком. С разможенной переносицы по его лицу побежала кровь.

Через пару секунд в казарме кипела нешуточная драка. На подмогу амбалам, что-то гортанно крича, поспешили их земляки.

Трудно сказать, удалось бы пятерке морпехов-разведчиков противостоять сразу трем десяткам южан, если бы где-то за койками не раздался чей-то возглас:

- Парни! Бейте сук! Мочи уродов!

Наверное, только теперь казарменная шпана поняла на собственной шкуре, как это больно и обидно, если тебя одного бьют сразу несколько человек. Недавних хозяев положения нещадно молотили всем, что попадалось под руку.

Дмитрий оглянулся на входную дверь и увидел офицера с капитанскими погонами, вбежавшего в казарму и что-то орущего. Тот с выпученными глазами поспешно доставал из кобуры пистолет. Парень ринулся к нему и резко ударил по руке. Оружие отлетело куда-то в угол. По-разбойничьи свистнув, он одним махом сорвал с плеч капитана его погоны, швырнул их в мусорную урну, стоявшую неподалеку, и вслед за своими товарищами выскочил в коридор.

Им навстречу бежал старший лейтенант. При виде странных чужаков в масках он испуганно отпрыгнул в сторону, прижался спиной к стене и утер обильный пот, враз выступивший на лбу.

Глядя вслед загадочным незнакомцам, он достал сотовый телефон и стал набирать чей-то номер, но отчего-то передумал, сунул аппарат в карман и свирепо заорал на дневального:

- А ты почему не поднял тревогу, не вызвал дежурного по части?

- Так это... - тот развел руками. - Я подумал, что это учения, имитация нападения условного противника.

- Я тебе устрою, японский городской, учения! Век помнить будешь! - продолжал разоряться старлей.

На следующее утро в десантно-штурмовой батальон морской пехоты прибыли военный прокурор и несколько следователей. Весь личный состав был построен на плацу. Комбат, плотный, кряжистый подполковник, прибыл в сопровождении представителей военной юстиции и сообщил морпехам о ЧП, случившемся в соседней части. По его словам, поздним вечером, когда состав третьей роты

мотострелковой бригады готовился к отбою, в ее расположение ворвались пятеро неизвестных граждан в камуфляже и масках, которые организовали там массовую драку. Прокурор, выступавший следом за подполковником, особо подчеркнул, что это столкновение имело националистический оттенок.

– В результате массовой драки с использованием предметов мебели, обуви и ремней сержантам Закирову и Насибову были нанесены тяжкие телесные повреждения, в результате чего они были доставлены в реанимационное отделение городской больницы. Серьезные травмы туловища и головы получили рядовые Хайдарбеков, Джамильханов, Эльчибеев, Рамазанов и другие, всего пятнадцать человек. Еще десять солдат и сержантов получили травмы средней тяжести. Как активные участники драки были задержаны сержант Ильченко, младший сержант Коробов, ефрейтор Тюринг, рядовые Насибуллин, Синькевич, Гошин, Лупуряну, Васильев, Тахмасян...

Слушая прокурора, морпехи недоуменно переглядывались. При чем тут националистический оттенок? Пацаны, независимо от пятой графы, наконец-то дали прикурить шайке отморожков, которые их грабили и унижали. Надо ли из-за этого раздувать кадило?

Два дня подряд прокурорские работники проверяли ДШБ, выясняя, кто именно мог сорваться в самоволку. Допрашивали и Дмитрия. Но он, как и все прочие, лишь недоуменно пожимал плечами. Мол, не видел, не слышал, не знаю. Прокурор, осаждаемый представителями некоторых южных республик, намеревался всю неделю посвятить поиску смутьянов-националистов, но в это время пришел приказ о начале учений, и дальнейшая проверка закономерно накрылась медным тазом. Как стало известно по завершении учений, мотострелки, задержанные за драку, отделались губой, а невинно пострадавших южан перевели дослуживать в другую часть.

Вспоминая события своей армейской поры, Ветлугин задумчиво улыбнулся. Именно после того памятного самохода к мотострелкам парень начал возвращаться к себе самому, еще тогдашнему, каким он был до случившегося с Олей. Дмитрий снова замечал закаты и рассветы, морской прибой и стаи чаек, архитектуру старинных зданий и людей на улицах прибалтийского городка. В том числе и девушек. Правда, ни к одной из них он подойти так и не смог – второй Оли природа не создала.

Купив билет, Ветлугин вышел прогуляться по перрону. Ему всегда нравилась вокзальная суета, ни с чем не сравнимые ощущения дальних странствий. Даже специфические, едкие запахи креозота и дыма каменного угля, присущие только железной дороге, казались Диме немного таинственными и романтичными. Пусть они и не напоминали цветущий луг, однако в этом мире шпал и рельсов было что-то необычное, какая-то загадочность.

Неспешно шагая вдоль фирменного состава, идущего на Москву, Димка наблюдал за посадкой пассажиров. Пожилая пара интеллигентного вида, скорее всего чета учителей, о чем-то дотошно расспрашивала крупную, солидную проводницу в синей униформе. Курсант военного училища, сбив на затылок фуражку, дымил сигаретой, поглядывая на большие вокзальные часы. По перрону прошли два сержанта транспортной полиции с автоматами, болтающимися на плечах.

Мельком взглянув в зев коридора, ведущего к подземному переходу, Ветлугин неожиданно увидел девушку лет двадцати, стоящую внизу, на промежуточной лестничной площадке. Она то ли собиралась куда-то очень далеко ехать, то ли откуда-то прибыла. На выходе из туннеля подземного перехода незнакомка поставила на пол две объемистые сумки и остановилась передохнуть.

Девушка, замеченная Димкой, вроде бы и не обладала внешними данными фотомодели. Среднего роста, не красавица, одета без явной роскоши. На ней была тонкая летняя блузка, легкие джинсы, босоножки. Но Дима Ветлугин сразу же почувствовал, как в его душе внезапно пробудилось что-то полузабытое. Сердце дрогнуло и даже затрепетало, словно он после долгой разлуки увидел близкого человека.

Девушка, скорее всего, ощутила излишне пристальный взгляд, нацеленный в ее сторону. Она подняла голову и внимательно посмотрела на Дмитрия, как будто тоже находя в нем что-то знакомое. Они некоторое время оглядывали друг друга. Тут до Ветлугина разом дошло, чем незнакомка привлекла к себе его внимание. Ее осанка, поворот головы, взгляд были совсем как у Ольги! Это решило все.

Он поспешно сбежал по ступенькам и сказал первое, что пришло на ум:

– Здравствуйте, меня зовут Дмитрий. Можно просто Димка или, Димон. Простите за назойливость, но у меня такое ощущение, что мы с вами где-то уже виделись. Честное слово! Во всяком случае, вы мне очень напоминаете одного человека, которого я, к сожалению, когда-то потерял. Вот знаете, вас увидел – как будто снова его встретил. Может быть, я мог бы вам помочь? Ведь ваша кладь скорее для мужских рук. Вы не против, чтобы я вас проводил?

Услышав этот сумбурный, многословный спич, девушка очень мило улыбнулась, что придало ей невероятное обаяние, и чуть пожала плечами.

– Ну, в принципе, я не против, – приятным, звучным голосом сказала она. – Вот только добираться мне аж до Фабричного района. Знаете, где это? То-то же! Так что, боюсь, у вас теперь настроение провожать меня пропадет напрочь.

Димка в ответ лишь рассмеялся, поднял сумки и мотнул головой в сторону лестницы:

– Идете! Фабричный район – свет, конечно, не ближний. Но и не самый дальний. Так что можно и туда доехать, и назад вернуться. Вперед, и только вперед!

Пока они шли к остановке троллейбуса, Ветлугин успел узнать, что его спутницу зовут Ларисой. Она круглая сирота – родителей не стало, когда девочка была еще совсем маленькой. Ее вырастила тетя, двоюродная сестра матери. Лариса и сейчас живет у этой очень строгой и набожной особы, давшей когда-то суровый обет безбрачия. Кроме того, девушка рассказала, что учится на втором курсе педагогического института, на факультете дошкольного воспитания. Повела Лариса и о том, что сегодня она по поручению тети ездила на электричке к ее знакомой в отдаленный правобережный район области. Та передала для тети несколько здоровенных старинных книг, которые еле уместились в дорожных сумках. Лариса не знала, что это за книги, поскольку фолианты были обшиты прочной льняной тканью. Но она предполагала, что это, скорее всего, какие-нибудь богословские талмуды.

Когда они подошли к остановке нужного им троллейбусного маршрута, оказалось, что на этой линии по какой-то причине произошла обесточка. Все троллейбусы с опущенными усами стояли в ряд. Их водители, преимущественно женщины, собрались у первого по очереди и что-то бурно обсуждали.

– Неприятный сюрприз, – сокрушенно вздохнув, резюмировала Лариса. – И что же теперь делать? На «Газели» с пересадками ехать не хотелось бы. Тем более что в Фабричном мимо нас они не ходят.

– В двух кварталах отсюда есть остановка автобуса-экспресса. Его конечная – в Фабричном, на Мельничной улице, – оптимистично улыбнувшись, уведомил Ветлугин.

– Ой, когда же мы туда доберемся-то с этими баулами? – Лариса указала на сумки. – Хотя Мельничная всего в паре минут ходьбы от улицы Новоселов, где я и живу.

– Ну тогда тем более идем на экспресс, – объявил Димка и решительно зашагал по привокзальной площади.

Он даже не заметил, как из толпы, ожидающей троллейбус, выбрался какой-то невзрачный парень, который, несмотря на сутулость, хилым и немощным не казался. Соглядатай с дымящейся в зубах сигаретой, чему-то ухмыляясь, шел следом за ними. В его взгляде сквозило какое-то непонятное мстительное безумие. Заметив это, всякий встречный спешил отвести взгляд и мысленно благодарил судьбу за то, что этот более чем странный тип – не его ближайший сосед.

Лев Гуров и Станислав Крячко поднялись по трапу и вошли в салон ветхого «Як-42». Старый аэродром в Средневолжске мог принимать только их и «Ан-24». «Тушки» туда не летали, не говоря уж о каких-нибудь «Боингах» или «Эйрбасах». Недовольно сопя, Стас сел в кресло и хмуро поглядел по сторонам. Интерьер самолета его не впечатлил. Когда-то этот небесный трудяга, конечно же, был последним словом техники. Но с той поры воды утекло гораздо больше, нежели горючего через баки этого средства авиаперевозки. Ветерану пятого океана уже давно пора было отправляться на покой. Однако его хозяева не были уверены в том, что он уже отдал все, что только мог, а они сумели выжать из этого авиапенсионера все, на что тот еще был способен.

Гуров достаточно спокойно воспринял необходимость лететь на этом чуде позавчерашней техники. Он достал из папки для бумаг принтерные распечатки интернет-материалов по тоталитарным и изуверским сектам, сделанные

минувшим днем, и невозмутимо углубился в чтение.

Отчеты и рефераты, найденные Львом Ивановичем на различных сайтах, сообщали, что, согласно статистическим данным, на территории современной России в начале второго десятилетия нового века насчитывается больше сотни самых разных сект. Их число постоянно растет. За последние годы всевозможные «Белые братства», «Аум Синрикё» и им подобные вероучения вроде бы сошли со сцены, но своего существования не прекратили. Их главная цель оставалась прежней – порабощение душ неофитов ради обогащения наставников, пастырей и прочих гуру. Эти псевдорелигиозные коммерческие предприятия сохранили свою былую структуру. Некоторые из них потихоньку, исподволь даже начали расти, несмотря на увеличение числа конкурентов, наподобие сект Грабового, Руднева, Пузакова-Мегре.

Автор одного из исследований утверждал, что даже эти мракобесы являли собой вчерашний день в глобальной системе чернокнижия и сатанизма. По его данным, в недрах некоторых западных спецслужб уже разработаны проекты новой, ультрасовременной системы зомбирования населения целых стран, которые по своей эффективности превосходят все былые образцы психологического закабаления человеческой личности.

Автор предупреждал, что теперь появились электронные устройства, способные напрямую воздействовать своими излучениями на те или иные отделы мозга, формировать в них зависимость, похожую на наркотическую. Вербовщикам сект, обладающим подобными пси-генераторами, уже нет нужды целыми днями толкаться на городских улицах и приставать к прохожим с вопросом: «Вы верите в Бога?» или «Что вы думаете о конце света?». Прежде они работали без особой надежды на то, что кандидат в неофиты, остановленный ими на тротуаре, сегодня же побежит на молитвенное собрание приверженцев самого истинного вероучения. Теперь достаточно навести излучатель генератора на избранную жертву – и дело сделано. Человек, подвергшийся воздействию зомбирующего излучения, без его новой порции будет испытывать сильнейшую ломку. А это самый надежный способ построить тех, кто будет вынужден пополнить ряды рабов.

Впрочем, подобную точку зрения разделяли далеко не все специалисты. Некоторые исследователи считали, что зомбировать излучением все сто процентов населения невозможно. Ему окажется подвластна максимум четверть мужчин и женщин, а то и того меньше. Ведь даже химические препараты,

природные и синтетические наркотики далеко не всемогущи.

Немало материалов было посвящено истинным хозяевам сектантских группировок, независимо от их названия, личности гуру или объекта поклонения. Как стало известно ряду служб государственной безопасности стран Европы, практически все пастыри сект проходили особую подготовку в мало кому известном закрытом лагере, расположенном на территории Индии. Официально он является базой некоммерческой общественной организации гуманитарного профиля. В разное время там побывали и Асахара, и Мун, и Грабовой, и Руднев, и многие другие. Исследователи считали, что в реальности этот лагерь был создан на деньги АНБ США. Данная спецслужба всецело контролируется сектой сатанистского толка «Череп и кости», над которой высится неприступный айсберг всемогущих американских масонских лож.

Читая распечатки, Гуров даже не заметил, что самолет за это время уже успел подняться высоко в небо, а Станислав уснул и негромко похрапывал под гул двигателей. Лев Иванович выглянул в иллюминатор и увидел внизу сплошное лохматое одеяло облаков. Ему отчего-то вдруг вспомнилась мультяшная песенка Винни-Пуха: «А в синем-синем небе порядок и уют, поэтому все тучки так весело поют». Сыщик усмехнулся и снова углубился в чтение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/leonov_nikolay/smert-predpochitaet-polnoch

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)